

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

Есть ли у нас то, чего нет?

В постсоветский период активно дебатировались вопросы о наличии/отсутствии в России гражданского общества – такого, как на Западе.

Одни говорили, что оно есть, другие настаивали на его отсутствии. Грустная ирония истории заключается в том, что теперь спорящим приходится констатировать: тогда гражданское общество в каком-то виде, но было, а вот теперь ему места нет.

Чтобы проследить его историю, стоит начать издалека – в том числе, чтобы разобраться в определениях. Есть точка зрения, что, если жители страны ведут себя достойно, если они «настоящие граждане» – значит, здесь есть гражданское общество. Встречалось мнение, что гражданское общество – это все добровольные организации; или же, что только независимые НКО, которых

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА**

становится все меньше, – это и есть гражданское общество, хоть и маленькое, но настоящее.

Если говорить о социологическом определении гражданского общества, то оно предполагает существование в социальной структуре общества особого слоя, который располагается над горизонтом первичных, личных, отношений и под горизонтом отношений формальных, в которых состоят между собой организации, институции.

Личные отношения существуют в семье, в соседстве, в дружеских компаниях, в первичных трудовых, учебных и подобных им коллективах. Там люди знакомы лично, там их отношениями управляют нормы, выученные с детства и потому представляющиеся само собой разумеющимися, естественными. За их соблюдением следят все, за их нарушение люди возлагают друг на друга санкции: родители ругают детей, супруги ссорятся, в компаниях дерутся, в коллективах сообща травят кого-то – но они же мирятся, прощают друг друга, восстанавливают социальный порядок.

В формальных же отношениях люди не личности, а исполнители неких предписанных ролей. Это функционеры – начальники и подчиненные, или носители узкоспециальной роли (покупатели, просители, подозреваемые или обвиняемые). Отношения институций и людей в них регулируются законами, инструкциями, правилами. Это же относится к бизнес-организациям. Там также жестко расписаны роли и функции исполнителей.

Конечно, определенные формальные правила и законы существуют для людей на уровне личных отношений. А некие личные, «человеческие», то есть неформальные, отношения присутствуют между людьми, помещенными

в формальные структуры институтов. Но главными все же являются личные отношения на одном горизонте – и формальные на другом.

Между ними начал формироваться еще один горизонт отношений: стали появляться сообщества, построенные на желании людей делать нечто совместно, сообща. Их отношения могут быть личными, похожими на отношения дружеские или коллегиальные, на солидарные отношения в трудовых/учебных коллективах. Там могут быть и достаточно строго организованные группы. Но особенность этого горизонта в том, что структуры и организации в нем не даны заранее ни как естественные (вроде семьи), ни как формальные, определяемые штатным расписанием (вроде учреждения). Они такие, какими их пожелают создать и поддерживать сами граждане.

Так создаются любительские кружки, клубы цветоводов или краеведов, но также организации по взаимопомощи и оказанию поддержки нуждающимся. Участие в них всегда добровольное. Часть таких организаций берется помогать формальным (государственным) институциям, делать то, до чего у госструктур не доходят руки или что не попадает в сферу их интересов. Как-то из подобных инициатив оказываются в конфликтных отношениях с государством или бизнесом, когда, например, собирают и распространяют информацию, которую те предпочитают скрывать от граждан.

Особенность исторического развития России – бурный расцвет самых разных добровольных объединений и организаций в кризисные годы начала XX века. Можно сказать, что тогда в стране складывалось гражданское общество. Среди множества гражданских организаций и большого количества партий

выделились несколько, которые формализовали свою структуру, сделав ее унитарно-авторитарной, и обзавелись собственными вооруженными отрядами. Одна из них, социал-демократы, поставила себе задачу перейти с гражданского уровня на властный – и выполнила ее.

Произошел захват власти. Лидеры партии, ставшей по стечению исторических обстоятельств структурой, управляющей огромной страной, где продолжалось гражданское кипение, не забыли о том, как РСДРП была лишь одной из множества организаций гражданского общества. Следуя властным инстинктам своих руководителей, с помощью созданного на скорую руку карательного аппарата партия стала методично уничтожать организации и объединения того типа, к которому принадлежала она сама до того, как захватила власть. Поводом была не столько деятельность, сколько социальная форма – объединение людей, организация. Сработал социальный инстинкт на уничтожение себе подобных – потенциальных конкурентов.

Новая власть уничтожала гражданское общество в России. Учреждение любой организации стало считаться одним из наиболее тяжких преступлений. В годы Большого террора именно создание («антисоветских») организаций – в подавляющем большинстве случаев выдуманных – вменялось в вину тысячам и тысячам. Принадлежа миру, где организация могла быть только одна – партия (с ее производными в виде комсомола, профсоюзов и подобных им), – власть предрежащие коллективно выдумывали свой антимир, свою антиутопию, или инферну, в которой было неисчислимое множество других («антисоветских») организаций.

Наши исследования 1990–2000-х показывали, что вбитый в коллективную память страх быть заподозренными в создании организаций продолжал существовать. Его прямым проявлением было то, что люди, которые в 1990-е на волне очередного подъема были готовы проявлять гражданскую активность – участвовать в выборах, волонтерствовать, агитировать, помогать друг другу и нуждающимся, – крайне неохотно шли на формализацию такой деятельности. Основной довод: а зачем? Иногда добавляли: потом будут приставать, что за организация.

С точки зрения внутреннего устройства некоторые инициативы были прекрасно организованы. Например, спонтанно сложившиеся пожарные дружины приезжали на тушение пожара раньше, чем туда собрались расчеты пожарной охраны. У этих дружин была четкая организация, но они не были «организацией». Они возникали в моменты нужды, а потом распадались. Мы предложили называть такое гражданское общество «мерцающим» – оно то возникает, то пропадает.

На том этапе власть еще желала, чтобы управляемая ею страна имела атрибуты «нормального» общества – то есть такого, как в странах Запада. Но и терять ту меру контроля, которую она привыкла иметь, власть не собиралась, а потому решила помогать описанным росткам гражданской социальной формы на собственный, российский, лад. Повсюду гражданское общество возникало как зона, свободная от государства (от властей, но не от закона!), – у нас же его созданием занялась администрация президента. Ее представитель, Владислав Сурков, желая дать мощный старт гражданскому обществу в стране, собрал аж два съезда общественных организаций, оба в Кремлевском дворце

съездов. Туда позвали всех – садовые товарищества, спортивные общества, советы ветеранов, и прочая, и прочая. Общественные организации другого разбора, например, Московская Хельсинкская группа, мучительно решали, участвовать или нет. Из этой инициативы ничего не вышло, поскольку гражданское общество по самой своей сути – это все же проявление независимости общества от государства. А в России 2000-х с самого начала доминировала идея контроля властей над общественными организациями.

В этой связи характерна аббревиатура, которой стали называть эти объединения. Их принятое международное обозначение – *non-governmental organizations* (NGO), то есть неправительственные организации. На русском же их стали называть НКО – некоммерческие организации, – то есть подчеркивается непринадлежность бизнесу, отсутствие целей по получению прибыли, тогда как в NGO почеркнута непринадлежность власти. В идее НКО – пассивная позиция, в идее NGO – активная. В России не принадлежать сфере бизнеса скорее хорошо: «чистота», отсутствие низменного материального интереса. А быть свободным от подчинения правительству (то есть исполнительной власти) в глазах таковой – плохо. Что довольно быстро было ею выражено.

Но пока возникающие общественные инициативы постепенно преодолевали страх перед объявлением себя «организацией» с регистрацией в соответствующих инстанциях. Тем более, что начала действовать противоположная установка. Хотя российский закон позволял объединениям людей не регистрироваться и работать без официального оформления, такая деятельность начинала вызывать подозрение и вопросы у контролирующих органов.

Способствовало формализации и то, что некоторые благотворительные организации и фонды на Западе, увидев инициативы, родственные им по духу, выразили готовность их поддерживать – как они это делали во многих других странах. Для этих благотворителей было естественно иметь дело с формально зарегистрированными организациями, в том числе потому, что, по их правилам, требовался контроль над расходованием предоставленных средств, а для этого желательно, чтобы была бухгалтерия.

Большая часть НКО прошла процедуры регистрации, и в целом их было довольно много. Они существовали преимущественно в крупных городах. Поначалу имели довольно узкую и специализированную направленность. В значительной своей части были созданы энтузиастами, чтобы оказывать помощь тем категориям граждан, которые в ней остро нуждались, но получить ее ниоткуда не могли. Эти объединения родились из кружков матерей, дети которых болны тяжелыми трудноизлечимыми или неизлечимыми болезнями. Были организации помощи сиротам, инвалидам. Важнейшим элементом являлись «Солдатские матери». То, что первые объединения основывались на солидарности матерей, связанных бедой, позволяло им быть смелее, а власти чувствовали некий авторитет/иммунитет женщин из-за их драматического положения.

Все эти организации стали зародышем гражданского общества – уже не «мерцающего», а обычного, – но еще не успевшего собраться в такую конструкцию, к которой можно было применить метафору «горизонта», то есть чего-то сравнимого по мощности социальных связей с личными и формальными структурами. Но и за этим

рассветом почти сразу начало смеркаться: государство все сильнее стремилось контролировать и ставить в зависимое положение гражданские инициативы, а тон стали задавать структуры российской власти, считающие себя защитниками государственной безопасности и во многом выросшие из тех органов, которые в советское время занимались выискиванием и уничтожением всех независимых организаций.

Идеологию этого блока можно считать квинтэссенцией российского понимания власти. В нем сочетается одно-временное представление о том, что для нее опасно любое влияние извне, из-за границы, и что любое проявление нелояльности имеет своим источником влияние из-за рубежа. Дополнялось это мнением, что, «кто платит, тот и заказывает музыку», которое распространяется на все общественные отношения. То есть у людей и общественных структур как будто бы нет реальной субъектности, все продажно, любое мнение можно купить или заказать.

Не удивительно, что независимые общественные объединения и организации – особенно те из них, которые получают финансовую и методическую помощь из-за границы, – вызывали у носителей данной государственной идеологии тревогу. Деятельность таких организаций стали определять в качестве «политической», понимая под этим «попытки влиять на решения госорганов путем формирования общественного мнения». Здесь легко увидеть суть идеи «суверенной демократии», которая сводится к тому, что никто не смеет мешать российской власти управлять так, как она считает нужным – ни российское общество, ни, в особенности, кто-либо за рубежом.

Радетели такого понимания государственной безопасности пролоббировали

законы, которые ужесточили контроль над общественными организациями, расширили возможности их закрытия и ввели ярлык «иностранный агент». Использование в федеральном законе, регулирующем детально «третьего сектора», жаргона структур госбезопасности, показывает, кого именно они считают своим противником.

Для НКО, признанных «исполняющими функции иностранного агента», были созданы особо обременительные условия отчетности – в частности, финансовой. Уже эта – на вид не политическая – мера привела к закрытию небольших организаций, которые не могли себе позволить бухгалтера, необходимого для подготовки новых форм отчетности. Далее в число иноагентов стали заносить СМИ и физических лиц; причем решения, влияющие на судьбу гражданских активистов и организаций в России, принимает исполнительная власть, а не судебная. Возможности закона производить точечные, но вполне многочисленные репрессии (с помощью штрафов за неуведомление аудитории о своем статусе, судебного преследования, ликвидации организации после нескольких таких нарушений) стала очевидной, и к сегодняшнему дню они уничтожили значительную часть гражданского общества.

Меж тем отклик в общественном мнении на эту кампанию хотя и растет, но остается небольшим. В конце 2022 года «хорошо знали» о соответствующем законе 14%, «ничего не знали» втрое больше – 45%. Остальные «что-то слышали» или затруднились ответить.

Требуемое законом обязательное публичное уведомление о том, что человек, организация или СМИ «выполняют функции иностранного агента», должно отпугивать потенциальных читателей, участников или партнеров.

В какой-то мере это работает. Так, 34% заявили, что их отношение ухудшится, если они узнают, что субъект попал в соответствующий реестр. Но 47% остались равнодушны, заявив, что их отношение не изменится. Но есть и такие, для кого она стигма – знак качества.

Внутри тех, кто не одобряет деятельность Владимира Путина на посту президента России – а таких на конец марта 2023 года в стране 15% и в столице более 20%, – чуть ли не каждый десятый заявил, что его отношение к носителю такого звания улучшится.